

В ЭТОМ НОМЕРЕ
СВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

АМОНТОВ ЕВГЕНИЙ
Исторические предпосылки
создания Таллиннской специаль-
ной средней школы милиции
с. 1

БАБИН АНДРЕЙ
Невеселая прогулка
с. 3

ЗАЙЦЕВ ВЯЧЕСЛАВ
Стихи
с. 4

КОРМИЛЬЦЫН ВЛАДИМИР
Стихи
с. 5

КОСТРОМА ГРИГОРИЙ
Стихи
Ошибка в объекте
с. 6

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР
Начало начал
Из книги «Агент номер один»
с. 7

ЛАРИНА ЛЮДМИЛА
Король трассы
с. 8

ЛИВШИЦ ЮЗЕФ
Стихи
с. 9

ПООЛЬ ВЛАДИМИР
Пярнуский молодежный бунт
1973 года
Из книги «Зампред КГБ
Эстонской ССР. Жизнь и служба
в спецслужбе»
с. 11

ПРОКОФЬЕВ ВЛАДИМИР
Стихи
с. 12

СМИРНОВ ЕВГЕНИЙ
От меня не убежишь
с. 14

АМОНТОВ ЕВГЕНИЙ

Исторические предпосылки
создания Таллиннской
специальной средней
школы милиции

История создания учебного заведе-
ния, 75-летие которого мы отметили
29 ноября 2019 года, началась в конце
1944 года.

Последние залпы войны на терри-
тории Эстонии отгремели 24 ноября
1944 года. В этот день был освобожден
мыс Сырве на Сааремаа. Кстати, в тех
боях участвовал будущий начальник
будущей школы милиции Евгений Ва-
сильевич Назимов.

После освобождения Таллинна 22
сентября 1944 года инфраструктура
города была довольно удручающей.
Хотя разрушения от бомбардировок и
наземных боевых действий не были
сплошными и носили локальный ха-
рактер, для небольшого города они
были очень существенны.

Серьезно была разрушена вся бере-
говая линия, особенно Купеческая и
Минная гавани, районы Копли, Па-
льяссааре. Значительно пострадал и
центр города, прежде всего горка Ха-
рю, церковь Нигулисте, улица Мане-
эжи...

Таллинн после освобождения в сентябре
1944 года. Горка Харью.

Даже через десять лет после указан-
ных событий мы с мальчишками хо-
дили на развалины домов недалеко
от горки Харью и собирали красивые
пузырьки, флаконы, трехгранные бу-
тылки с пружинными пробками. Сей-
час на том месте расположен магазин
«Лугемисвара» и ресторан «Пегас».
Улицы были расчищены, но развали-
ны еще оставались.

Сразу после освобождения основной
рабочей силой при восстановлении
города были немецкие военноплен-
ные и, конечно же, горожане. Немцы
восстановили теплоэлектростанцию
на Мере пуйестеэ (сейчас это «Котел
культуры»), возвели высокую кир-
пичную трубу электростанции. На ней
и сейчас, если приглядеться, видны
цифры – 1948. Силами военноплен-
ных было проложено Ленинградское
шоссе до Маарду и даже чуть дальше,
а также возведен ряд других объектов
городской инфраструктуры.

А жителям Таллинна приходилось
много трудиться на расчистке улиц
и дорог и благоустройстве родного го-
рода.

Обеспечение безопасности и обще-
ственного порядка в городе во мно-
гом возлагалось на военно-морские
и солдатские патрули. Но они не за-
нимались непосредственно право-
охранительной деятельностью, то
есть оперативной работой по борьбе
с правонарушениями и профилак-
тикой преступности. А проблем в обе-
спечении надлежащего правопорядка
после освобождения Таллинна было
«выше крыши». Этому способство-

вали такие факторы, как открытие дверей тюрем, наличие у населения большого количества неучтенного огнестрельного оружия и нахождение в городе немалого количества людей, которые были не рады освобождению от фашистов.

С криминальным элементом способны эффективно работать только подготовленные профессионалы. А таких практически не было.

Вообще система подготовки кадров для налаживания мирной жизни на освобожденных территориях была примерно следующей:

- Определенная часть сил и средств армии остается на освобожденной территории, основная же часть армейских формирований идет дальше для выполнения своих задач. Война-то еще продолжалась. В нашем случае часть войск продолжила зачистку островов, где еще оставались разрозненные немецкие формирования, а главные силы направились дальше на юго-запад в Померанию.

- Также в городе осталась часть воинских госпиталей с необходимым оборудованием и персоналом. Им были выделены помещения для организации медицинского обслуживания населения.

- Кроме того, в городе осталась часть личного состава армейских подразделений для выполнения задач мирного характера. Это прежде всего бойцы Эстонского национального корпуса, имеющие необходимые гражданские специальности. Их демобилизуют, и они приступают к восстановлению народного хозяйства и налаживанию мирной жизни.

- Для построения и обеспечения государственно-административной, политической и хозяйственно-управленческой деятельности Эстонии часть демобилизованных воинов, имеющих соответствующее образование и способности, была направлена в Ленинград на краткосрочные курсы (от шести до двенадцати месяцев) подготовки кадров.

Интересна судьба первого после освобождения Эстонии от фашистов наркома внутренних дел Александра Резева, который был назначен на эту должность в марте 1944 года, то есть еще до освобождения Таллинна и всей Эстонии от немецко-фашистских оккупантов.

Александр Резев – видный деятель рабочего движения в Эстонии. В январе 1924 года он был осужден на 15 лет каторжных работ по так называемому делу «Процесс 149». Отбыв 14 лет наказания, он был амнистирован. С 1940 года состоял на партийно-го-

сударственной работе. К слову, в течение полутора лет перед выходом на пенсию в 1954 году А. Резев возглавлял Таллиннскую специальную школу милиции и был тогда в звании генерал-майора.

Александр Иоганнесович Резев – народный комиссар, министр внутренних дел ЭССР, комендант ТССШМ.

Перед руководством и немногочисленными сотрудниками наркомата стояла тяжелая задача по созданию работоспособных структур как в самом наркомате, так и в городских и районных управлениях и отделах внутренних дел.

Вот несколько примеров из воспоминаний очевидцев, характеризующих криминогенную ситуацию осенью 1944-го и весной 1945 года.

Из воспоминаний Сергеева Александра Михайловича, начальника связи Таллиннского гарнизона:

«Поступил сигнал, что нарушена телефонная связь между Таллинном и Керну. Что чинить? Это недалеко, послали солдата связиста, дали велосипед. Прошло 2-3 часа. Уже должен был добраться до места повреждения, подключиться и позвонить. Нет и нет. Снарядили полуторку, посадили пять вооруженных солдат и офицера. Неполладку устранили, а офицер рапортом доложил, что на месте повреждения линии связи обнаружен труп солдата с огнестрельными ранениями, висящий на «кошках». Оружия нет, велосипеда нет. Что это было – диверсия или вооруженное ограбление!?»

Александр Иванович после демобилизации долгое время до пенсии работал на Таллиннском ДСК (домостроительном комбинате) в должности председателя профсоюзного комитета предприятия.

Другой случай – из воспоминаний моего родственника о моем двоюродном дяде по отцу Константине Петухове, он служил тогда матросом на базе ВМФ в Палдиски.

«Начало лета 1945 года. В составе рабочего взвода я был в наряде на камбузе. Появилось свободное время, и Константин решил сходить в близлежащий лесок пособирать землянику. То есть в нарушение устава матрос покинул расположение части. Не переодеваясь, прямо в рабочей робе, он углубился в лесной массив. Набрана уже почти полная бесхозырка ягод.

Дальше он рассказывал так: – Поднимаю глаза, а передо мной метрах в 10-15 стоит человек в полувоенной форме, сапоги, френч, на голове – фуражка, на поясе – граната с длинной ручкой, в руках «шмайсер» и палец на курке. Все, думаю, конец. Молчание длилось секунд 10-15. Для меня они показались вечностью. Но мужчина, ничего не сказав, повернулся и спокойно пошел в лес. Когда он исчез из вида, оцепенение отпустило меня, и я рванул в часть. По молодости думал не о том, что минуту назад стоял на краю могилы, а о том, говорить или не говорить об этом инциденте в часту. Ведь я самовольно оставил часть, будучи в наряде. Но все-таки доложил дежурному. Меня отправили на 5 суток на гауптвахту, а лес прочесал караульный взвод. Но никого не нашел. Повезло?..»

И таких примеров из того времени можно привести сотни. Наиболее полно эти факты представлены в архиве МВД, но уже не как эмоциональные изложения, а в виде сухих данных под протокол. В основном зафиксированы убийства милиционеров, представителей местной власти, разбойные нападения, грабежи, поджоги, кражи. Но все же в 80 процентах случаев это были преступления против личности.

В то время чтобы пойти работать в милицию, надо было быть мужественным человеком.

В такой сложной криминогенной обстановке назрела острая необходимость подготовки своих квалифицированных кадров для правоохранительной деятельности.

29 ноября 1944 года в соответствии с приказом НКВД СССР и была создана Эстонская школа НКВД, которая после неоднократных переименований и изменений профиля ее работы в июне 1957 года была реорганизована в специальную среднюю школу и стала называться Таллиннская специальная средняя школа милиции МВД СССР.

БАБИН АНДРЕЙ Невеселая прогулка

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул очередной посетитель. Стало ясно, что наш разговор с Карповым, во всяком случае, здесь, в кабинете, сегодня вряд ли получится:

– А, Дубинин, заходите. Что стряслось?

Посетитель объяснил участковому, что соседи по коммунальной квартире якобы его в дом не пускают, замок заменили...

Пошли разбираться. По дороге Карпов рассказал мне о человеке, шагавшем чуть впереди. Несколько месяцев назад Дубинин вышел из ЛТП, теперь нормально живет и работает и, кажется, совершенно не пьет. Карпов не скрывал удивления – ведь в этом есть и его, участкового инспектора, заслуга... Не столько, конечно, в том, что направил Дубинина на лечение от алкоголизма (так ли уж много пациентов ЛТП становятся трезвенниками?), сколько в том, что сумел убедить его отказаться от водки, что тунеядство – большое зло...

Тем временем мы по крутой лестнице поднялись на второй этаж старого дома в центре города. Дело, оказалось, выеденного яйца не стоит. Замок заменили вчера, а ключ – вот он, получай, только 80 копеек сперва отдай, не очень ласково сказала стряпавшая на кухне женщина. Карпов стал убеждать, что Дубинин уже другой, он исправился... Женщина же гнет свое: знать его не хочу, я с ним не разговариваю...

Нескольких минут оказалось достаточно, чтобы понять: в этой большой многолюдной квартире – клубок проблем. Кто-то с кем-то развелся, перевернулся, те что-то не поделили, эти вот не разговаривают...

– Не понимаю я этого, – говорил Карпов, спускаясь вниз. – Неужели других забот не хватает? Поставили бы в своей громадной кухне круглый или какой-либо другой стол, вскипятили самовар и поговорили бы за чаем о своем житье-бытье всем домом. Неужто трудно?

Видимо, трудно. Даже в одной квартире. Мы ведь все страшно самолюбивые, первыми протянуть руку считаем ниже своего достоинства.

Мы снова шагаем по улице, и я прошу Алексея рассказать, как он пришел в милицию.

– Получилось так. Отслужил в погранвойсках. Остался в Таллинне. Жениться, устроился на работу в управленческие механизации, потом перешел на другое место.

И вот к нему в заводское общежитие стал навещать участковый инспектор, рекомендовал идти работать в милицию. Приглашали даже в райотдел. Кому, говорили, как не тебе, бывшему пограничнику, охранять общественный порядок? Карпов же – ни в какую: «Чего ради? Тут я – свободный человек, отработал – и голова ни о чем не болит».

Все же уговорили. Но согласился Алексей с одним условием – его направят в школу милиции, причем на дневное отделение: если уж менять специальность, то овладеть ею серьезно. Жена, правда, не сразу одобрила решение Алексея, немало вечерних разговоров у них состоялось на эту тему...

Школа окончена с отличием три года назад, и теперь почти каждый день в Старом городе можно видеть крепкого сложения лейтенанта милиции – участкового, впрочем, нет, уже старшего участкового инспектора Алексея Карпова.

– Не сразу, понятно, мне доверили участок, – вспоминает Карпов. – Сперва несколько месяцев хвостом ходил за старшим, учился, присматривался к людям. Думал: ну, я-то быстро наведу порядок, всех пьяниц в ЛТП – и дело с концом.

И правда, скоро слухи пошли – появился новый участковый, молодой и страшно суровый... Увы, не так все оказалось просто. Да разве может быть с людьми легко? Ведь не машины же это, где все можно по винтикам разобрать.

Тем временем мы подошли к другому дому – тоже один из «неспокойных» адресов. Карпов постучал.

В комнате – полумрак, запах невыносимый, ободранные обои, на кровати – черные от грязи подушка и одеяло, на замызганном столе – пара мутных стаканов... Хозяин этого, с по-

зволения сказать, жилища с февраля нигде не работает, пьет, хотя дважды лечился в профилактории.

– Что, Рябышев, снова отправлять в ЛТП? – спросил Карпов.

– Отправляйте, – неожиданно легко согласился Рябышев.

Карпов велел ему явиться завтра утром к нему в райотдел. Мы вышли.

– Можно, конечно, направить его на лечение и в третий, и в четвертый раз, – помолчав, заговорил Алексей. – Да что-то не верится, что польза будет...

– А как же Дубинин? – напомнил я.

– Дубинин сам захотел вернуться к нормальной жизни, волю проявил. А этот... Сами ж видели. Чувствую однако, что не совсем еще Рябышев пропавший человек, а как подступиться, не знаю. Пока не знаю...

Наша не очень веселая прогулка по Старому городу продолжается. Карпов на память перечислял мне адреса и фамилии, рассказывал о матери, бросившей своих детей, о бездельнике, никак не желающем работать... Да, не с лучшими представителями человечества приходится иметь дело участковому.

Очередная квартира, которую мы посетили, в отличие от рябышевской, вполне опрятна. Только вот хозяин почему-то не очень гостеприимен. Даже позволил себе нагрубить сотруднику милиции. Ну, подумал я, Карпов сейчас «сделает» этому хаму. А он лишь проронил:

– Почему вы в таком тоне разговариваете? Я же по-хорошему с вами говорю...

Старший участковый инспектор Алексей Карпов.

Зачем нажал ты на курок?
Ты жизни свой не прожил срок.
Оставил брата и семью,
Друзей и жизни суету.

Какой ответ нашёл ты в мыслях,
Что в жизни никакого смысла?
Ты душу дьяволу отдал,
А он тебе искусно врал,

Что жизнь ничтожна и пуста,
Что на земле так много зла,
Надежды нет и нет добра.

Поверил ты в его слова,
Глухим стал к трезвости ума.
Решил из жизни ты уйти,
Не чувствуя своей вины
Пред теми, кому дорог ты.

Иллюзии – не мир живой,
А плод воображения.
Ты выбрал путь совсем не свой,
Не тот, что дан с рождения.

Стою у мраморной плиты
С немой к тебе вопросом.
Ответь из вечной темноты:
Зачем поверил этой лжи?
И чем прекрасней царство тьмы?

В туман уходит мой корабль,
Трепещет парус на прощанье.
На сердце у меня печаль:
Настало время расставанья.

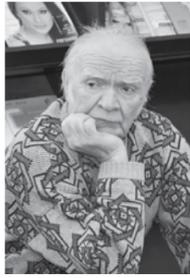
Немало пройдено дорог,
От Балтики до океанов.
Немало сумрачных тревог,
На сердце у меня лежало.

Сам бог морской меня крестил,
Через экватор пропуская,
И грамоту Нептун вручил,
Водой солёной окропляя.

Креститель мой мне дал добро
Быть странником морских просторов
И чаркой рома угостил,
Чтоб моряком достойным был.

С тех прошло немало лет,
И жизнь морская изменилась:
Морских традиций больше нет,
Морское братство развалилось.

Тревожит ночью сон меня,
Я вижу остов корабля:
Без паруса и без команды,
Волна крутая бьёт в борта,
И сам Нептун зовёт меня.

КОСТРОМА ГРИГОРИЙ

Ошибка в объекте Стихи

Ошибка в объекте

В работе почти каждого следователя встречались случаи, где одновременно переплетались комичное с трагичным.

Расскажу похожую историю.

Дело обстояло так. В столичном районе Каламая жили-были братья Трофимовы – обычные парни, но отличавшиеся от других одной странной особенностью: частенько по вечерам они облачались в дамские наряды, парики, красили губы и брови и выглядели, как настоящие барышни. В таком виде они направлялись в легендарное кафе «Сальме», что располагалось в то время напротив Калининского РОВД.

Обычно здесь за чашкой кофе и рюмкой ликера «Старый Таллинн» коротала время разношерстная публика, в том числе рыбаки и моряки, имевшие доходы выше других людей.

В кафе братья, притворяясь девушками, заняли столик в надежде завести знакомство с подвыпившими посетителями мужского пола и развести их на выпивку и угощение. Больше всего их интересовали моряки и рыбаки, суда которых швартовались в ближайшей от кафе гавани.

Удача улыбнулась им в лице сошедшего на берег рыбака со странной фамилией Почетырко (имя запомнил), который после возлияний неуверенной походкой подсел к «барышням», познакомился и стал травить небылицы. Те притворно хохотали, строили глазки, откровенно вовлекая кавалера в свои сети.

Ухажер, конечно, не подозревал, что имеет дело с представителями, правильнее, с представительницами другого пола. Вскоре он сделал свой выбор и после обильного угощения «дам» пригласил приглянувшуюся скоротать остаток вечера на открытом воздухе, а после закончить знакомство в своей холостяцкой «каюте».

По выходу это желание рыбака усилилось, тем более этому способствовало не только присутствие «женщины»,

но и искрящиеся звезды на небосклоне, которые призывно подмигивали, обещая истинное наслаждение. Молодые взялись за руки и принялись обсуждать свои дальнейшие шаги.

«Но какая романтика без поцелуев?» – подумал рыбак. Он притянул избранницу к себе, страстно прильнул к ее губам и... оторопел, почувствовав на ее щеках что-то колючее.

«Да это же переодетый в женское мужчина!» – сообразил кавалер, долго не раздумывая, выхватил из кармана нож, который использовал при распутывании рыбацких сетей, и вонзил его в бок Трофимова. Избегая продолжения расправы, тот изо всех сил бросился наутек, да так, что на ходу потерял парик, туфли на высоком каблуке, запутался в женских одеждах, а резиновые шары, служившие имитацией груди, покатались по асфальту.

Прохожие, увидев окровавленного мужчину, по телефону-автомату вызвали «скорую помощь» и милицию. Пострадавшего доставили в больницу с тяжкими телесными повреждениями. А вскоре задержали и виновного.

Впоследствии эта история обросла неправдоподобными подробностями, став достоянием гласности, чему, разумеется, не радовались оба ее участника.

Следует отметить, что оба брата не являлись лицами нетрадиционной сексуальной ориентации, а были любителями халявы.

В описанное время гомосексуализм был редкостью.

Я бодро сегодня шагаю
Сквозь сплетен грязнейших поток,
Обрывается смех шакалиный,
Нарастает злой хохоток.
Сквозь окна – мутные бельма,
Для них ты – чужая жена,
Тычут пальцем кликуши и ведьмы
Словно любовь наша – это вина.
Спустить бы на нас им облавы
Под жуткий завистливый вой,
Языком святош оплёвана,
Ты рядом шагаешь со мной.
Для них всё это зазорно,
Что люблю я тебя лишь одну,
В чьих глазах голубизны озёрной
Я всплываю и снова тону.
Я всплываю и снова тону.
Отчего ты, родимая, плачешь?
Ты поверь, только очень поверь,
Никогда мы столько не значили,
Сколько значим вместе теперь.
Что нам их смешное раденье,
В заскорузлых ухмылках их рот?
Ведь для них любовь – это паденье,
А для нас – бесконечный полёт.

Их жизнь сиротством дети оплатили
И приступами злой тоски,
Сорокалетних крашенных блондинок
Толкают в позднее такси.
Хохочут знойно: их песнь еще не спета,
Их счастье с каждым встречным
– впереди,

И равнодушный холод пистолета
Теплее их мраморной груди.
Лечили их жестокостью и словом,
Прощали и прогоняли прочь,
Но они живут и расцветают снова,
Как папоротник, – коротко, на ночь.
Беда, когда любовью их согреешь,
А прошлое не станешь ворошить,
Дымком растает лоскуток шагрени
Отданных им тела и души.

В хрупком хрустале гололедицы –
Жёлтый шар огневой.
Звёзды, словно глаза медведицы,
Злобно смотрят за мной.
Песней кошачьей пьяной
Зашёлся чахоточный март,
Сыростью харкает, окаянный,
В дома из краплёных карт.
Разносятся звон похоронный где-то,
И мёртвый горбатый мост,
В саван тёмной ночи одетый,
Еле тащится на погост.
Где ты, отзовись, где ты?
Я ведь мёртв всё равно.
Брезжит приветливым светом
Не твоё ли это окно?
Не грусти, засыпая, родная,
Об ушедшем очень давно,
Жизнь пронеслась вдоль края,
А я ведь мёртв всё равно.

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР

Начало начал

Из книги «Агент номер один»

– Лейтенант Кузнецов!

– Я!

– Ко мне!

– Есть!

Уверенно чеканя шаг, я подошел к трибуне:

– Лейтенант Кузнецов для получения диплома об окончании Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР прибыл!

– Поздравляю вас с окончанием учебного заведения! Желаю благополучия, твердости, настойчивости в достижении поставленных целей. Уверен, что вы достойно пронесете честь нашей школы, будете принципиальным, достойным выпускником школы, – напутствовал меня начальник школы милиции полковник Евгений Васильевич Назимов, который и вручил мне диплом об окончании учебного заведения.

Пройдут годы. Через три с половиной десятилетия уже в должности председателя совета Клуба ветеранов правоохранительных органов Эстонии я буду участвовать в церемонии прощания с этим авторитетным и важным в моей судьбе человеком и на похоронах произнесу:

– Ваше доверие, товарищ полковник, я оправдал!

Узнав о том, что мой учитель писал книгу, но не успел ее закончить, я пообещав супруге Евгения Васильевича завершить начатое им. Спустя полгода книга достойного человека выйдет в свет, и память о Евгении Васильевиче навсегда останется в наших сердцах.

Но все это будет потом, а тогда свежий воздух пьянил меня, воодушевлял, звал вперед, предвкушая победы. Впервые в своей жизни кроме диплома и лейтенантских погон я получил заслуженный отпуск. Месяц счастья с женой пролетел незаметно. Мы вернулись в Эстонию, которая за два года уже стала мне почти родной.

Пришла пора приступить к работе. Направили меня на Псковщину, откуда я два года назад уезжал поступать в свою будущую *alma mater*.

На новом месте меня встретили хорошо. Начальник отдела кадров УВД,

просмотрев мое личное дело, предложил должность инспектора ОБХСС.

– У нас как раз есть вакансия в Дедовичском районном отделе милиции. Кстати, отдел возглавляет выпускник вашей школы Вирекин Иван Петрович, – сообщил он. – Надеюсь, мы сработаемся и вы оправдаете наше доверие.

И вот 4 октября 1979 года я начал службу. Мой новый начальник оказался приветливым и дружелюбным человеком. Он с интересом расспросил о нашей школе, о преподавателях. Было видно, что он скучал по школе милиции. Вспомнили Звонова, Стуколкина, Витюшову, Сойни, Ратасепа. Я рассказал Ивану Петровичу, что за последние годы школа обрела новое здание, фотолабораторию, большой актовый зал, просторные учебные классы с современным оборудованием для практических занятий.

– Вам повезло, – сказал Иван Петрович, – мы же учились в иных, не очень комфортабельных условиях.

Проговорили мы с ним до вечера. Так закончился мой первый рабочий день. Возвращаясь домой, я думал о том, что благодаря таким учебным заведениям, как наша школа милиции, сохраняется преемственность поколений. Вот увидел Ивана Петровича впервые в жизни, а уже после первого разговора почувствовал, что давно и хорошо его знаю и объединяют нас общие знакомые, любимые места и достопримечательности Таллинна.

На следующий день разговор у нас был уже деловой и серьезный. Мой начальник познакомил меня с оперативной обстановкой в районе, с его проблемами и бедами. Все они были присущи и другим районам нашей страны. Пьянство, алкоголизм, бытовые преступления – на милицейском языке бытовуха.

Обговорили мои обязанности в отделе БХСС. Так я приступил к работе в должности инспектора этой службы, стал познавать ее азы, трудности и подводные камни.

В декабре того же года меня ожидала радость – родилась первая и долгожданная дочь, которую назвали Олей

в честь матери моей жены Тамары. Я получил недалеко от райотдела уютную и просторную квартиру и весь был в радостном ожидании приезда из Таллинна супруги и дочери. Решили, что придут они в конце мая следующего года, когда ребенок окрепнет и будет тепло.

Наконец, наша семья объединилась. С женой приехали ее родители. Мы вспомнили наши встречи, свадебное торжество, рождение дочери. Полтора года Тамара была в декретном отпуске, потом дочь определили в ясли, а жена стала работать в инспекции в должности лаборантки. Все шло хорошо, работа мне и супруге нравилась, зарплата и цены позволяли нам даже откладывать деньги на отпуск и дорогие покупки.

Спустя некоторое время жена вновь меня порадовала – кажется, у нас в семье будет пополнение. Я был на седьмом небе от счастья. В декабре 1981 года на свет появился сын – наследник! Что еще нужно молодому отцу? Радуйся и живи, что мы с женой и делали.

Летом этого же года жена предложила переехать в Таллинн к ее родителям. Они одобрили наше решение. На тот момент у них была в Таллинне трехкомнатная квартира на улице Маяковского, ныне Ситси.

Я решил, что поеду в отпуск в Таллинн и попробую договориться о пе-

ЛАРИНА ЛЮДМИЛА

Король трассы

Весна уже насладились расцветом Земли, силу собрала. Всё кругом полила. Нежной зеленью покрыла. Воды ещё много. Зеркалами растеклись лужи на дорогах – ни пройти ни проехать. Солнце сияет. Красота! Скоро-скоро оно всё подсушит. Весна лету поклонится, место уступит. Птицы озабоченно хлопочут. У всех свои дела. Все о чём-то щебечут. И люди тоже радуются и по-своему тоже хлопочут и «щебечут».

Уже несколько лет суббота является выходным днём. Тепер у народа два дня свободных. Но не у всех. У милиции и военных – служба ненормированная. У рабочих бывали авралы, когда приходилось работать допоздна. Кто-то же должен «выполнить и

реводе в столицу Эстонии. Конечно, хотелось снова в службу БХСС. Работа мне нравилась, и к этому времени я уже приобрел определенный опыт. В Таллинне все прошло хорошо, и мне предложили работу в городском отделе БХСС УВД Таллина.

Иван Петрович, мудрый и опытный руководитель, сам родом из Белоруссии, лишних вопросов задавать не стал. Подписал рапорт и сказал:

– Молодец! За время вашей работы показатели в районе значительно улучшились. Отдел раскрыл хищение в особо крупных размерах. В этом есть и ваша заслуга.

Настало время прощаться с моим первым райотделом. Этот коллектив научил меня работать с душой и вдохновением, здесь я прошел очень хорошую практику. И сейчас я с гордостью могу поблагодарить моих достойных коллег и друзей, которые помогли мне стать профессионалом. В Эстонии мне удалось в этом убедиться.

На железнодорожной станции Дно, что в 50 километрах от Дедовичей, – теплый июльский день. Я жду поезд Москва – Дно – Таллинн. Ярко светит солнце. Моя радость смешивается с грустью. Псковский край я не забуду никогда. Пройдут годы, и я мысленно буду возвращаться в места, которые стали мне близкими и родными.

Подожел поезд. Заскочив в вагон и устроившись на своем месте, я

продолжал вспоминать своих товарищей. Мысленно я был еще с ними, намереваясь обязательно приехать к ним хоть ненадолго. Но жизнь распорядится иначе. Свою малую родину и бывших коллег я увижу только через четыре десятка лет. Встреча будет трогательной.

От пережитых эмоций я, видимо, так устал, что как только прилегу, сразу уснул глубоким сном младенца и проспал почти до самого Таллинна.

За полчаса до прибытия поезда в Таллинн припустил сильный дождь. Можно сказать, ливень. В нескольких метрах ничего не видно. Так меня встретила природа Эстонии. Псковщина проводила сияющим солнцем, а Эстония встречает дождем. Вероятно, природа давала понять, что кому-то придется горько плакать, изливая слезы таким дождиком. Но тогда я этого еще не знал.

На перроне меня ждали жена Тамара и дети – Оля и Димитрий. Наконец-то мы вместе!

Родители жены накрыли шикарный стол для дорогого зятя и по случаю воссоединения семьи. Тесть, как обычно, налил рюмочку-другую. От такого теплого приема и выпитого вина на душе стало спокойно и радостно. Я смотрел на них и думал: как хорошо быть вместе со своей семьей!

Добро пожаловать, Саша, в Эстонию, в семью Шклярчуков.

лином на западный манер, подогреваемые ощущением внутренней силы и жизни, спешат они на свидание с прекрасным. Душа человека всегда ждет праздника. Ведь их тоже ждут.

До объекта радости – всего один пристальный взгляд через огромную лужу. Все трое встали перед зеркалом водораздела. По нему чьим-то старанием были редко разбросаны кирпичи. Но для такой категории физической подготовки перескочить по ним, осилить это – пустяк! Вдруг с дальнего поворота на полной скорости – самосвал. Даже не пытаюсь тормозить, наглый «король трассы» улыбался мстительным блеском железных зубов: «Вот я вас сейчас окачу!»

Но он тормознул! Все трое стояли по щиколотку в воде с кирпичами в руках! С прицелом в лоб! Корона свалилась. Съёжившись, он пожелтел и сник. Железный оскал вжался в руль. Тихо-о-о-нечко, тихо-о-о-нечко он ехал по всем лужам дороги до-о-о-о-лго, пока не скрылся. На другом «берегу» наблюдавшая «местная красота» восторженно встретила своих героев.

Ну так кто у нас король трассы? Кирпич!

ЛИВШИЦ ЮЗЕФ

Стихи

Беллинсгаузен 200

Шлюп боевой в океанском просторе.
Он не идет ни с кем воевать.
Что ожидает – радость или горе?
Но неизвестность надо понять.
Шлюп разрезает крутые волны,
Айсберг обходит сквозь липкий туман.
Люди его отвагою полны.
Знают, что сильный у них капитан.

Умный и строгий. Читает книгу.
В ней что-то хочет узнать про цель.
Открыть человечеству Антарктиду,
Сделав все точно, не сев на мель.
Слава салютом вверх устремится.
Видны невиданные берега.
Будет Россия вечно гордиться
Тем, что Эстония ей родила.

Род Беллинсгаузен немецкий
Связанным был с эстонской землей.
На Сааремаа жил своей жизнью детской
Признанный позже миром герой.
Отметит еще и текущие годы.
Его и сегодня в Эстонии чтут,
Хотя о баронах эстзейской породы
Памяти волны добро не несут.

Как важно то, что все это было!
Эстонец ты здешний или другой,
Раз к тебе слава, любя, приходила,
Ты гордость для всех и для всех ты свой.
Случаи эти совсем не редки –
Бывали и в прошлом, есть и сейчас.
Их одобряли, приняв, наши предки
И передали такой же наказ.

Карантин

Две тысячи двадцатый год
Стал для Земли приметным.
Случился темных сил приход
На весь простор планетный.
Они примчались на мышах,
Что по ночам летают.
Они несли с собою страх,
Который каждый знает.

Их распознали и сочли
Назвать «коронавирус».
Вспоминанья принесли
Средневековый минус.
Но ведь чуму как победить,
Давно мы научились,
А этот вирус, чтоб убить,
Пока не получилось

Как долго будет он бродить?
Безвестность всех тревожит.
Как долго в карантинах жить,
Никто сказать не может.
Нельзя и руки пожимать,
И целоваться в губы,
Другие страны посещать,
Ходить в кино и клубы.

Закрыта школа на замок –
Учись по Интернету.
Продуктом запасайся впрок,
С рулоном туалета.
Скромней, терпимей надо быть.
Хотеть не очень много.
Дружить и ближнего любить,
Но только – за порогом.

Пройдет не знаем, сколько лет.
Кто жив, живут – не пикнут.
Возникнет как бы Новый Свет,
К которому привыкнут.
К чему вбивать в привычку клин,
Чтобы тряслась рутина?
Так примет имя наш почина
«Эпоха карантина».

Красавицы

Не каждой девочке дано
Красавицей на свет явиться
И этим даром насладиться,
Когда уж много лет прошло.
Не каждой женщине даны
Восторг мужской и восхищенье,
От ее вида удивленье
И преклонение толпы.

В Галактике послон планеты
Быть может конкурс красоты.
Там отделится свет от тьмы,
Как будто встретились кометы.
А по известности своей
Та, что корону заимела,
На пик кумиров прилетела,
Теряя счет счастливых дней.

Бывает прозвище «блондинка»
Шутя используют тогда,
Когда красавица тупа,
Словно шнуровка для ботинка.
Поэтому красотку с детства
К наукам стоит приучать,
Чтобы стремилась много знать,
Не исключая пут кокетства.

Сиять врожденной красотой
Возможно и без ухищрений,
Без парфюмерных разорений,
А просто быть самой собой.
Ну, если только, чтя успех,
Подмазать чуть или подкрасить
И тем себя обезопасить
От тех, кто любит, «как у всех».

А вот кто выглядят иначе,
Неприхотливы и скромны,
Конечно, думать не должны,
Что их судьба в платочек плачет.
Есть макияжи и корсажи,
Есть тренажеры и врачи.
Так переходят в жизнь мечты
О Золушке, но в экипаже.

Переживания мои

Дано нам богом или природой
Идти неведомой дорогой,

На ней немалое узнать,
Учиться падать и вставать.

Но разве можно в дней мельканий
Нам избежать переживаний?

Они и радостью полны,
И бедами, что нас нашли.

В них – и восторг, и упоенье,
И перед чудом преклоненье,

Когда девчонку полюбил,
И целовал, и слезы лил.

Когда разлука вдруг случилась,
Переживал, что ей там снилось.

За то, что сын увидел свет,
Цветов любви ей слал букет.

Расстройств нашествие различных,
Бессмысленных или трагичных.

Родителей от нас уход.
Друзей забравший теплоход.

Болезней тяжкие вериги,
И проигрыш хоккейной лиги.

Плафон разбитый от торшера,
Иль водки выпито сверх меры.

Переживания мои,
Они во мне и так близки

В силу того, что очень личны,
Но многие из них типичны.

За безответственных людей
И за судьбу страны моей,

За сумасшедшую планету,
Чтоб не пришла кончина Свету.

Старое и новое

Старое и новое –
Спайка и конфликты.
Старое и новое –
Святости и грех.
Старое и новое –
Вызов и реликты.
Старое и новое –
Срывы и успех.
Новое не просто
Путь свой созидает –
Ведь нередко старое
Сгинуть не спешит.
Но потуги роста
И другое знают,
Когда слава старого
Новое стыдит.

Приглядишься к искусству,
Где новинок трасса.
Оперу классическую
Ценят сотни лет.
Но бывает грустно
От новаций массы,
Сделавших пластическую
Маску на сюжет.
Старые строения –
Вестники эпохи –
Земли занимают
В центре городов.
Это наблюдение
Бизнес-план питает
Уничтожить прошлое
Для модерн-домов.

Не везде что ново,
Лучшим обернется.
«Лучше», если шибко, –
Враг для «хорошо».
Пушкинское слово
Сказкой вновь польется,
Как старуху рыбка
Кинула на дно.

Три слова

Всего три слова «Я тебя люблю».
Ну а какой глубокий смысл прячут
И так порой для жизни много значат,
Что смыслы прочие сдвигают в темноту.

Они пожаром чувства рождены,
Если игрой фальшивой не избиты.
Бывает, что толпой страстей обжиты
И нежным трепетом взволнованной души.

Твой эго в букве «Я» себя нашел.
Он хочет быть любовью упоенным,
И чтоб другой искатель был сраженным,
Чтоб ты один к возлюбленной пришел.

Сказав «тебя», ты как ей сообщаешь,
Что для других на сердце места нет,
И ты даешь восторженный обет,
Что только с ней ты счастье принимаешь.

Давно привычно слово третье «Люблю».
Его по-своему влюбленные трактуют:
Одни возлюбленной себя навек даруют,
Другим дороже свое чувство во хмелю.

Но если первый путь ты как-то ощущаешь,
То должен многое любимой разрешать.
Ее не надо своей ревностью терзать,
Поскольку ей невольно радости желаешь.

Есть у любви размеры полноты.
Зачем смотреть в глаза, а видеть бровь?
Ты хочешь полноценную любовь?
Кто влюбится в тебя, лишь ей себя дари.

Взаимная любовь – река вошла в залив.
Теперь у них одни вода и берега.
Единый мирный штиль, суровая гроза.
А волны чередуют приливы и отлив.

Эта осень

У всех нас общая осень.
У каждого осень своя.
В нее мы, дождавшись, вносим
Раздумья свои и дела.
Она отвечает щедро
Плодами и красотой,
Но также налетами ветра
И скорбно летящей листвой

Собой заменила лето.
Пора подводить итог
Тому, что тогда и где-то
Ты сделать чего-то смог.
Цыпляток подсчет осенний
И много другого чего.
Достаточно ль было рвений,
Чтоб осень несла нам добро?

Кому-то осеннее время –
Из емкой колоды туз.
Хватило сил и терпенья,
Чтоб двери открыл ему вуз.
Другой без ненужных амбиций,
Считая, как время идет,
Захваченный силой традиций
Чтит осенью свой Новый год.

Пусть на дворе не минус,
Но осенью льют дожди.
К тому же коронавирусу
С накатом второй волны
Терзает липучим страхом
И требует маски носить.
Он снова, грозя размахом,
Ломает привычки жить.

Осенние всходы мятежны.
Мы с ними не просто живем –
Расчетливо или небрежно
От них что-то нужное ждем.
Раз ночи и дни состоятся,
Чего-то дадут и возьмут,
Мне хочется им поклоняться
За то, что со мною пройдут.

ПООЛЬ ВЛАДИМИР

Пярнуский молодежный бунт 1973 года

Из книги «Зампред КГБ Эстонской ССР.
Жизнь и служба в спецслужбе»

Не успел я прослужить в Пярну и трех месяцев, как в городе произошло событие, подобного которому ни до, ни после моей долгой службы в спецслужбе больше не случалось.

На огороженной территории Пярнуского городского отдела КГБ на улице Ринги, 44 располагались административное здание, два дома для семей охраны, водителя и небольшое строение с финской баней для лиц, приезжающих в отдел в командировку. К тому времени квартиру на новом месте службы мне еще не выделили, семья жила в Таллинне, я – временно при бане отдела.

Была пятница, 15 июня 1973 года. Мы с начальником горотдела КГБ Мильдером после работы решили попариться. Банная процедура приближалась к концу, мы думали уже выходить из парилки, как туда влетел ночной дежурный вахтер прапорщик Александр Серов и сообщил: – На телефон дежурного по отделу позвонили из города и передали, что буйная толпа молодежи бьет окна городского отдела милиции.

Интересно, что об этом сообщил в КГБ рядовой гражданин, милиция молчала, помощи не просила. Мы быстро оделись, с мокрыми головами, без оружия сели в машину и поехали на место события.

К зданию милиции мы не пробрались, молодежь начала окружать машину, и мы решили, что она без труда установит принадлежность нашей черной «Волги» ГАЗ-21. Чтобы не испытывать судьбу, я вышел из машины и слился с толпой, а Мильдер дал задний ход и вернулся в отдел, чтобы срочно доложить обстановку дежурному по КГБ Эстонии и первому секретарю Пярнуского горкома партии Айно Таммеоргу. В

то время маленьких переносных радиостанций у нас в отделе не было, о мобильных телефонах еще и речи быть не могло. Таллинн и Москва требовали по ВЧ-связи постоянных докладов о ситуации. Информацию об оперативной обстановке в городе я передавал Мильдеру в отдел через посыльных, которыми стали поднятые по тревоге оперативники.

Что же случилось тогда, в пятницу 15 июня 1973 года?

В самом центре Пярну, в парке отдыха на валу Валликяэр, была танцплощадка, молодежь любила ходить туда танцевать под живую музыку. Входной билет стоил 50 копеек, что по тем временам для молодых ребят и девочек было немалыми деньгами. Я обычно обедал в пярнуском ресторане «Таллинн» и помню, что за 85–90 копеек днем там можно было неплохо покушать.

В тот злополучный вечер группа ребят проникла на танцплощадку без билетов, милиция и дружинники стали задерживать их, но за них заступились друзья, конфликт разрастался. В этой ситуации кто-то из дирекции парка отдыха поступил неразумно, объявив по громкоговорителю, что коль молодежь не умеет хорошо себя вести, то по указанию милиции танцы прекращаются.

Небольшая группа молодежи пошла в отдел милиции выяснять, почему из-за нескольких безбилетников наказывают всех танцующих. Дежурный по отделу о таком решении администрации парка не знал, сказал, что милиция никаких указаний не давала, просил ребят успокоиться и пойти обратно, пообещав, что танцы будут продолжены. Ребята поверили и направились назад, но встретили других ребят и узнали, что музыканты ушли и на тан-

цплощадке выключен свет. Теперь в сторону милиции направилась уже объединенная разъяренная толпа.

Диалога с милицией не получилось, на просьбу расходиться толпа ответила кирпичами. Напротив, через улицу, строили здание профтехучилища. Девочки стали подтаскивать кирпичи, колоть их на удобные для броски куски и подносить ребятам. После первых разбитых окон послышались выстрелы в воздух, это дежурный по отделу стрелял из своего табельного пистолета Макарова. Он требовал прекратить буйство, разойтись и делал предупредительные выстрелы. Молодежь на это отреагировала с точностью до наоборот – она осмелела. Масла в огонь подливали девочки. Я и не предполагал, какими они могут быть агрессивными: после каждого меткого броска и звона разбившегося стекла они визжали, как поросята, и подбадривали ребят – смелее-смелее, в людей стрелять не будут.

Толпу окружала какая-то злобная аура, это был бунт, люди не отдавали себе отчета в том, что делают. Вмешавшийся в действие и попытавшийся пристыдить молодежь человек сам мог получить кирпичом. Толпа росла, бросать камни и кирпичи стали совсем приличные люди, комсомольцы, которые сами на танцплощадке не были и точно не знали, что стало причиной беспорядков. Позже при расследовании дела они не смогли объяснить свои поступки, рассказывали, что впали в массовый психоз.

[...]

Сначала Мильдер обратился за помощью к командиру бригады химической защиты Прибалтийского военного округа (ПриБВО), часть дислоцировалась на той же улице, что и отдел милиции, задействовать солдат можно было в считанные минуты, но комбриг отказался, заявил: «Сами обращайтесь в ПриБВО, и если оттуда дадут мне команду, то солдаты будут». Но ждать дальше было нельзя, беспорядки ширились, и тогда Мильдер связался с командиром пярнуского авиационного истребительного полка полковником Барановым. Тот взял

ответственность на себя и направил к милиции группу солдат из роты охраны аэродрома численностью около взвода во главе с офицером. Я встретил эту группу, солдаты прыгнули с машин, офицер выстроил их, и ряд двинулся по улице в сторону милиции. Оттуда навстречу с камнями шла буйная молодежь. Но когда последовала команда «Примкнуть штывки!», толпа начала рассеиваться.

До прихода солдат толпу хотели разогнать с помощью пожарного водомета, но главный пярнуский пожарник капитан внутренней службы Рютканен требования местных начальников проигнорировал: «Нет огня – не будет и воды». И пустил в ход водомет только после приказа из МВД Эстонии. Мокрая одежда ребят послужила потом основанием для задержания зачинщиков и участников беспорядков.

Бесчинства молодежи встревожили Москву, беспорядки закончились примерно к двум часам ночи, и уже ранним субботним утром в Пярну приехала оперативная группа КГБ СССР во главе с заместителем начальника 5-го управления гене-

рал-майором Проскуриным, которая прилетела в Таллинн на спецсамолете. Группу сопровождал зампред КГБ Эстонской ССР генерал-майор Александр Ляпчихин.

[...]

На следующий день после ночного молодежного бунта с почтового отделения в горотдел принесли мешок писем, мы их прочитывали и диву давались, о чем только люди ни писали: в Пярну восстание, разгромлены милиция, горком партии, введены войска, восставшие захватили оружие, имеются убитые и раненные. Все письма, в которых содержалась крамола, были конфискованы и уничтожены.

Для справки: в здании милиции было разбито 34 окна, у пожарных – 15. Немного пострадали здание райисполкома и соседний с пожарными дом. Рабочие городского ремонтно-строительного управления сработали оперативно, к субботнему утру осколки стекол с улиц были убраны, в разбитые окна вставлены новые стекла. Казалось, будто ничего ночью и не случилось.

Через день после «восстания», в воскресенье, 17 июня 1973 года, со-

стоялись выборы, и пярнусцы почти стопроцентно отдали голоса, как тогда говорили, за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

А через день после выборов, во вторник, 19 июня 1973 года, пярнуские события обсуждались на бюро ЦК Компартии Эстонии. Случившемуся решили не давать острой политической оценки, о том, что в наведении порядка участвовали военные, на бюро не было сказано ни слова, никакой информации для печати не дали, оргвыводы тоже были либеральными, головы не полетели: первому секретарю пярнуского горкома партии Айно Таммеоргу указали на серьезные недостатки в работе при проведении массовых мероприятий. Начальник пярнуской милиции отдал замечание.

Козлом отпущения сделали начальника пярнуской пожарной охраны капитана внутренней службы Рютканена, ему аукнулись слова: «Нет огня – не будет и воды». Министр внутренних дел ЭССР генерал-лейтенант внутренней службы Вальтер Ани объявил ему строгий выговор.

ПРОКОФЬЕВ ВЛАДИМИР

СТИХИ

Как хорошо на свете жить!

Как хорошо на свете жить
И у родного дома
Траву зелёную косить,
Приветствовать знакомых.

Как хорошо в который раз
Встречать весну и лето.
И брать на зиму про запас
Солнышко при этом.

Как хорошо бежать к реке
Босым и без рубашки.
И наблюдать, как на песке
Ползают букашки.

Как хорошо в своём саду
Сажать редис на грядке.

И видеть яблони в цвету,
И что газон в порядке.

Как хорошо любить подруг
На сплетни без оглядки,
Водить за речку их, на луг
И губ касаться сладких.

Как хорошо иметь друзей
С первых классов школы,
Надёжней нет их и верней –
Отзывчивых, весёлых.

Как хорошо встречать рассвет
С любимой возле моря,
Быть с нею вместе много лет
И в радости, и в горе.

Как хорошо на свете жить!

Небеса всё становятся ближе
С каждым годом, на пытку похожим.
А ведь я так и не был в Париже,
Да и в Лондоне не был я тоже.

Не бродил я по Древнему Риму,
Не отряхивал с ног пыль столетий
И, духовною жаждой томимый,
Не был я у монахов в Тибете.

Не бывал я в арабском Дубае
И не видел его благолепий.
И хотелось бы в Бахчисарае
Побродить среди белых мечетей.

Не был я на священном Байкале,
Там, где воды, сравнимые с небом.
И на Пушкинском мемориале,
Там, в Михайловском, тоже я не был.

Как же многого я не увидел,
И душа не нашла, что искала.
Как же, Господи, ты нас обидел,
Отпустив нам так времени мало!

Женщине с «солнцем в волосах»

Красота твоя то бесстыжая,
То кажется робкой, несмелой.
Я целую тебя, моя рыжая,
По-мальчишески неумело.

Твои волосы, словно пожарище,
Мои руки лицо обжигают.
И недаром мои же товарищи
В шутку ведьмой тебя называют.

Растворяюсь в тебе без остатка я
В жарком пламени тёмных ночей.
Для меня ты ведь самая сладкая
С чудным блеском зелёных очей.

Ты – колдунья из давнего прошлого.
Связь меж нами всё ближе, острей.
И в тебе столько много хорошего,
Что тебя не сожгут на костре.

Вот и осень на дворе.
Ветер листья разметает,
День быстрее всё убывает,
Снег кружится в октябре.

Грусть приходит временами,
Но уходит без следа,
Если я хоть иногда
Повстречаюсь где-то с Вами.

Мне коснуться бы руки
И губами к ней прижаться.
Но всё так же расставаться
Будем чувствам вопреки.

Вы ушли вслед за туманом,
Снова грусть моя со мной.
Я иду один домой
С бередящей сердце раной.

Я с болью снова наедине,
Как всегда, она тихо подкралась.
Как-то ночью пришла ко мне
И навсегда у меня осталась.

Свыкся с нею уже давно
И сдался я ей на милость.
Оттого и пью я вино,
Чтобы она притупилась.

От неё никуда не уйти,
От неё нигде не укрыться.
Мне бы только с ума не сойти
И хотя бы во сне забыться.

Вот опять отпустила она,
А мне всё равно не спится.
Я знаю: она, как волна,
Завтра ко мне возвратится.

Он стоит и просит подаяния
На коленях в холод или в зной.
Но проходят люди без внимания,
Обходить стараясь стороной.

В его глазах – угрюмая усталость
От жизни этой очень непростой.
И мало кто испытывал бы жалость
И кто б судьбы желал ему иной.

Торопятся, проходят люди мимо,
Спешат они, не поднимая глаз.
И только Богу одному лишь зримо,
Что впереди ждёт каждого из нас.

Осенний дождь

Чаще дождь стучит уже в окошко,
Приглашая всех к своей игре.
Кто-то в лес отправился с лукошком,
Значит, это осень на дворе.

Облака становятся всё ниже,
Завершается воды круговорот.
Дождь идёт, наверно, и в Париже,
В Лондоне уж точно он идёт.

Он приходит так же неизменно,
Как осенний жёлтый листопад.
Он идёт уже по всей Вселенной,
Я ему, как другу, только рад.

Воздух станет чище и свежее,
И бодрей, и твёрже будет шаг.
С ним и осень как-то озорнее
И теплей покажется очаг.

*Трагедия на реке**

Купались они на реке, загорали –
Отец с сыновьями и дочь.
Ей было двенадцать, они с ней играли,
Стараясь во всём ей помочь.

Река свои воды несла торопливо,
Летали и пели дрозды.
В природе всё было спокойно, красиво,
Никто не предвидел беды.

Вот девочка в воду ногою ступила
С букетом ромашек в руке.
Не удержалась – волна подхватила,
Вниз унося по реке.

Бросились в воду отец и два сына,
Были уже к ней близки.
Но унесла их крутая стремнина
В водовороты реки.

* Трагедия произошла в июле 2020 года под Новосибирском. Отцу было 50 лет, старшему сыну – 20 лет, младшему сыну – подростку – всего 14 лет.

Накрыла их разом речная лавина,
Спаслись уже не было сил.
И всех троих затянула лучина,
Смертный их час наступил.

Вынесло девочки лёгкое тело
Живым на прибрежный песок.
Видно, судьба её так захотела,
И был милосерден к ней Бог.

В свежей могиле с любимым отцом,
Братья лежат молодые.
И милая девочка с грустным лицом
Им носит цветы полевые.

Где теперь вы, юности друзья?
Разбросало вас по белу свету,
А иных в живых и вовсе нету,
Оттого печален нынче я.

Где теперь вы, юности друзья?
Мне всегда вас очень не хватало,
Встреч желанных с вами было мало,
Но вы были в сердце у меня.

Где теперь вы, юности друзья?
Хорошо бы вместе нам собраться,
Чтобы вновь шутить и улыбаться,
И размышлять о смысле бытия.

Где теперь вы, юности друзья?
Время движется для нас неумолимо,
Но всё так же значима и зрима
К вам любовь, привязанность моя.

Где теперь вы, юности друзья?
Знаю я, что встреч уже не будет,
Время страсти наши все остудит
И скроет нас во тьме небытия.

Где теперь вы, юности, друзья?

*Женщине, приходящей
на могилу сына каждый день
второй год*

Вижу женщину, в церкви стоящую
Перед старой иконой с Христом,
Его тихо о чём-то просящую
С отрешённым от мира лицом.

В одночасье жизнь стала немилую,
Он один может силы придать.
Ты у сына над свежей могилую
Не могла без поддержки стоять.

Его нет и не будет уж рядом –
Может, только во сне иногда.
Ты проходишь кладбищенским садом
По знакомой тропинке сюда.

Постоишь за могильной оградой,
Снова будешь ты с ним говорить.
Отпустить бы тебе его надо,
Без него научиться бы жить.

Время раны такие не лечит,
Боль останется в сердце твоём.
И горят на столе, тают свечи,
Словно плачут с тобою о нём.

В больничной палате номер один
Лежал старик на кровати.
Его жена находилась с ним,
Надежду ещё не утратив.

Он же молча смотрел в окно,
В мыслях был где-то далёко.
И было ему уже всё равно,
И как никогда одиноко.

К нему наклонялась порою она
И гладила волосы, руки.
И, как с ребёнком, была нежна,
Чувствуя все его муки.

Он головою кивал ей в ответ,
Родное лицо узнавая.
В глазах её был сострадания свет,
Боль его всю принимая.

Она говорила, что он – хоть куда,
Что парень он тот же, с перцем,
Что надо ещё потерпеть и тогда
Пройдут эти боли в сердце.

И вновь наклонялась она к нему,
Касаясь волос, целовала.
И снова, как раньше, ему одному
Любовь свою отдавала.

Но только кончилась ночь едва,
А солнце вставало несмело,
В больничной палате уже вдова
В слезах и печали сидела.

Осенние дни наступают,
Холодом входят в жилище.
Дожди день и ночь поливают
И в Петушках, и в Мытищах.

Ветер порывистый с веток
Жёлтые листья срывает
И землю, согретую летом,
Пёстрым ковром укрывает.

Тучи, гонимые ветром,
В серой дали пропадают.
У них впереди – километры.
Куда занесёт их, не знают.

В воздухе словно разлито
Безмолвное чувство печали
О лете, ещё не забытом,
Которое будто украли.

Я давно не встречаюсь с друзьями
И хожу на прогулки один.
Встал незримой стеной между нами
Уж забытый давно карантин.

Говорят, что всё зло – из Китая,
Может, всё-таки кара небес?
Бог, когда-то людей создавая,
Понимал: где-то рядом был бес.

И косила чума нас, холера,
От костров был багровым закат.
И спасала нас в Господа вера
От болезней и тяжких утрат.

Этот вирус мы всё ж одолеем,
Хоть высокою будет цена.
Только жаль, что хранить не умеем
Всех погибших врачей имена.

День за днём всё быстрее мелькает,
И сентябрь вот подходит к концу.
Осень в гости к себе приглашает,
Этот жёлтый наряд ей к лицу.

Лёгкой грустью повеет безмолвной
От опавшей на землю листвы,
От несжатой полоски неровной,
От примятой дождями травы.

Запах осени ветер разносит
По бескрайним полям и лесам.
Ну а сердце так нежности просит,
Что признаться в любви хочет Вам.

Ах ты, осень моя молодая,
В золотистом наряде – краса!
К благодатной земле припадая,
Устремляюсь душой в небеса.

Спасибо, Господи, что Ты всегда
со мной.
В минуты горькой скорби и печали,
Ты проникался моей тихой мольбой,
И все невзгоды в жизни отступали.

Спасибо, Господи, что Ты всегда
со мной.
Не дал упасть, когда я оступился.
Спасибо, Господи, что я ещё живой,
Прости что я, не веруя, молился.

добычу и сбыт этого «чего-то», трансформирующегося в таком процессе из культового или культурного объекта в товар, который пойдет в торговый оборот. И здесь товар получает уже свое номенклатурное наименование. Например, иконы проходили по их сделкам как «доски».

Основной оборот этого товара шел через Москву. Там по большей части и планировались преступные акции по завладению раритетными вещами. В регионы ближнего и дальнего Подмосковья (это радиус примерно 350 километров от Москвы) отправлялись липовые этнографические, фольклорные и иные «научные экспедиции» или «научные сотрудники», которые шастали по селам и весям, вынюхивая, где можно поживиться. Затем, как правило, путем мошенничества,

иногда скупки за бесценок или путем краж эти вещи оказывались у преступников. Нередки были и случаи грабежей, разбоев и даже убийств с целью завладения ценным товаром.

По большей части на это шли преступники, проживающие в регионах, где располагался объект посягательства, и нередко выполняющие заказ.

Надо отдать должное оперативникам – подобные преступления ими довольно успешно раскрывались. Хотя фактически уже тогда шла борьба с организованными группировками, имевшими преступную специализацию. Кабинеты моих коллег, работавших по этой линии, нередко были завалены изъятой у преступников церковной утварью и иконами, которые на этот раз переходили из статуса «товара» в категорию вещественных доказательств.

Я, в то время молодой сотрудник УВД города Рыбинска, возглавлявший группу по борьбе с карманными кражами, не занимался «иконниками», как мы тогда называли эту шушеру, но, тем не менее, однажды поучаствовал в задержании... А кого, об этом ниже.

Утреннюю оперативку, которую проводил начальник отдела уголовного розыска УВД города подполковник Курбаев, прервал телефонный звонок. Лев Николаевич поднял трубку и стал внимательно выслушивать абонента, утвердительно покачивая головой:

– Да-да, Анатолий Александрович, сейчас немедленно соберем группу и направим в помощь. – Затем он обратился к нам: – Так, ребята, наружка ведет две московские машины с «иконниками», которые едут сюда, по-видимому, за товаром. Минут через двадцать они должны быть в черте города. Их уже ждет одна группа захвата. Но поскольку, возможно, придется задерживать не только столичных гостей, но и их сообщников из наших жуликов, сил может не хватить. Ты, Женя, – обратился он ко мне, – бери вашу машину с водителем и еще кого-нибудь из парней крепче...

– Лев Николаевич, у нас все крепкие!
– Не умничай, времени на это нет. Эдик Джафаров, ты тоже подключайся к ним. И еще с вами поедет старший опер Никифоров из сельско-

го райотдела. Он будет держать связь с наружкой по рации. Все, по коням! Никифоров ждет вас внизу, не забудьте взять оружие.

Я велел младшим инспекторам водителю Саше Кокареву и Леше Гореву получить оружие и ждать в машине, а сам отвлекся на телефонный звонок. Когда я спустился в оружейку, то уже нужно было срочно выезжать, и я отправился на задержание без столета.

Мы на автомашине ИЖ-Комби, которая была закреплена за группой по борьбе с карманными кражами, выдвинулись в район улицы Чкалова и встали в тени деревьев в ожидании дальнейших указаний. Эта часть улицы находилась в старой части города и была застроена двух-трехэтажными домами еще дореволюционной купеческой архитектуры. Некоторые здания были реновированы или отремонтированы, но этажность их не нарушалась. Это помогало сохранять старый колорит района. Сейчас, к сожалению, та историческая гармония частично нарушена.

Основные потоки транспорта тогда также были направлены в обход по параллельным улицам, поэтому машин мимо нас проезжало мало. Вскоре по рации сообщили о необходимости обратить внимание на легковушку ВАЗ 2103 кофейного цвета с номерами Московской области, которая должна пересечь нашу улицу в полуквартале от нас.

Действительно эта машина завернула на улицу Чкалова и медленно поехала вперед. Казалось, находившиеся в ней люди высматривали нужный им номер дома. Нам приказали следовать за ними, соблюдая дистанцию примерно в квартал. Москвичи пару раз останавливались, а затем вновь продолжали движение. Наконец ВАЗ остановился в «кармане» при въезде во двор между домами и стал для нас невидимым из-за декоративных кустарников и деревьев, разделяющих тротуар и дорогу.

Никифоров связался со службой наружного наблюдения по рации, и нам велели подъехать к объекту, остановиться не ближе метров тридцати от него и потом ждать дальнейшей команды.

Вскоре последовала команда произвести захват. Но не мчаться сломя голову, а спокойно идти, разделившись на две группы, по тротуару и по дороге. Причем те, кто пошел по дороге, оставались невидимыми для наших «клиентов» из-за тех же кустов и деревьев, а двигавшиеся по тротуару шли, как обычные прохожие.

Я и младший инспектор Горев пошли по дороге. Еще два участника операции, непринужденно болтая, зашагали по тротуару. Водитель оставался в машине и должен был подъехать к месту задержания, как только мы подойдем туда.

Приближаясь к ВАЗу кофейного цвета, я увидел, что из него вышел высокий, лысоватый мужчина, лет тридцати пяти. Перейдя дорогу, он приблизился к стоявшему на противоположной стороне улицы парню, о чем-то поговорил с ним и стал возвращаться назад.

Я заметил, что в этот момент к машине москвичей подъезжает еще одна милицмейская группа, так что «иконники» фактически оказались заблокированы.

Парень, с которым разговаривал москвич, развернулся и пошел в сторону центральной улицы – проспекта Ленина. Почему-то никто из наших или не обратил внимания на их встречу или не видел ее. Мне же, видевшему то общение, было понятно, что это – сообщник преступников и он может скрыться. Допустить такого я, конечно, не мог и направился к нему.

– Слышь, приятель, тормозни на секундочку, – развязно окликнул я его, приближаясь.

Парень на мгновение остановился, видимо, его сбilo с толку мое почти сленговое обращение, но тут же рванул с места со скоростью сорвавшейся с цепи собаки. Я несколько оторопел, не ожидая от него такой прыти. Но тут же осознав, что я все же являюсь отменным легкоатлетом, и дабы не обесценить свое спортивное звание, ринулся за ним. «В конце концов, выступать в роли гончей должен все-таки я, а не этот беглец», – подсознательно подсказывало мне чувство собственного милицмейского достоинства.

СМИРНОВ ЕВГЕНИЙ

От меня не убежишь

К концу 70-х годов, увы, уже прошлого века по центральным регионам СССР (и не только по ним) прокатилась волна краж икон, книг, иной церковной утвари, имевшей хоть какую-то художественную или историческую ценность. Для преступников главная ценность всего этого была, конечно же, материальная.

Впрочем, воровали не только вещи, которые могли быть признаны антиквариатом или иметь высокое художественное качество, но и все, что можно было сбыть под шумок мод-

ного веяния на православную атрибутику. Запрос шел в первую очередь из-за кордона. Видимо тамошние коллекционеры-эстеты, услышав песню Владимира Высоцкого о том, что «они [предметы православного религиозного культа] – богатство нашего народа, хотя и пережиток старины», решили поживиться этим богатством и заодно избавить нас от такого «пережитка».

Ну а закон коммерции гласит, что если есть спрос на что-то, то появится и необходимость организовывать

Пока я раскачивался, парень оторвался от меня примерно на квартал и приближался к оживленному проспекту. Вслед за мной бросился и Леша Горев, но он отставал от меня почти на столько же.

Просчитывая на бегу погоню, я понимал, что задержать преступника надо до кинотеатра «Центральный», возле которого все время было многолюдно. А до него оставалось три квартала. Иначе это давало убегающему больше возможностей скрыться. И даже если удастся настигнуть его в людской толпе, то неизвестно, во что выльется такое задержание. Да и не факт, что этот парень окажется слабее меня и согласится добровольно сдаться.

Я прибавил ходу (благо, моя спортивная закалка позволяла это сделать), и мой соперник стал заметно сдавать и, соответственно, приближаться ко мне. Нет, не добровольно, конечно. Вероятно, на его стартовый форсаж ушло слишком много энергии. У меня же, наоборот, появилась дополнительная психологическая подпитка.

Но в тот момент, когда «добыча» становилась все ощутимее, в голове мелькнула новая тревожная мысль: «А как ты будешь задерживать бандита, ведь ты оружие не взял? Растяпа! А вдруг он вооружен?» Правда, у меня в запасе были приемы борьбы самбо, ведь я занимался когда-то этим видом спорта. Но в схватке с вооруженным противником вероятен и вариант «против лома нет приема».

Конечно, сзади у меня была поддержка в лице подчиненного Леша Горева. Он – крепкий парень, классный лыжник и к тому же при оружии. В случае чего он должен успеть.

Но он оказался таким же растяпой, как и я. Хотя и чуточку меньшим. Пистолет-то он удосужился получить, но забыл в кабинете кобуру. Поэтому сунул его в карман брюк спортивного костюма, в который был одет. Брюки эти удерживала на Лехиной «талиии» всего лишь резинка, а не ремень, и поэтому тяжелый пистолет, подпрыгивая при каждом шаге, стаскивал штаны хозяина вниз. А если бежишь в приспущенных, пусть даже и спортивных, брюках, то, конечно, рекорда не поставишь да и преступника вряд ли догонишь.

Тогда коллега решил взять оружие в руку. Он вытащил его из кармана, но второпях уронил, нагнулся, поднял и опять уронил. Наконец, крепко зажав

табельное оружие в ладони, он ринулся за нами в погоню.

Интересную картину наблюдали в тот момент некоторые рыбинцы: бегут по центральной улице друг за другом два молодых человека, а след за ними, отставая метров на сто, несется коренастый крепыш с пистолетом в руке. И все почему-то молчат, как воды в рот набрали, и даже не стреляют. Сейчас-то понятно, почему не было стрельбы, – девяностые еще не наступили.

Я же, догоняя бандита, думал о другом: «Хорошо бы сбить его с ног на бегу, пока он не развернулся». Но парень успел развернуться. Он встал ко мне лицом, чуть согнув широко расставленные ноги и приподняв согнутые в локтях руки с растопыренными пальцами. Никакого оружия в руках его не было.

«Что это? Боевая стойка?» – подумал я, тоже приготовившись к схватке и даже не предупредив, что я из милиции. Но, взглянув на молодое симпатичное лицо бандита, перекошенное утомлением от изнурительного забега, мне вдруг представился в его облике мальчишка, уставший от беготни в игре в салки и вставший в позу «я больше не играю». На его потной физиономии словно крупным печатным шрифтом отчетливо читалось: «Не надо меня бить. Я же хороший».

Еще не отдышавшись, парень невнятно пробормотал:

– Я из семерки, михайловский.

– Чего-чего? – переспросил я, не поняв его бульканье.

– Да из наружки я, от Михайлова. Проверял, всех ли вы взяли, а тот москвич случайно подошел, спросил, как проехать на Ярославское шоссе, – наконец внятно разъяснил он.

– А чего убежал-то тогда?

– Светиться нам нельзя. Думал, не догонишь.

– От меня не убежишь, так и передай подполковнику. И пусть он вас побольше гоняет.

Парень улыбнулся и быстро ушел.

Подполковник милиции Михайлов был в то время начальником службы наружного наблюдения. Он или его заместитель периодически проводили с оперативниками семинары и инструктировали их, как оформлять задания на наружное наблюдение, какие дополнительные документы предоставлять, какие еще моменты, касающиеся фигурантов, желательно указывать в заданиях. Мы их лично

знали. Остальные же сотрудники наружки были зашифрованы.

Когда подбежал такой же запыхавшийся Горев, «бандита» уже и след простыл.

– А где этот... Убежал что ли? Ты же вроде поймал его? – пыхтел он как паровоз.

Меня начал разбирать смех.

– Понимаешь, Леха, отпустил я его. Он взятку неплохую подкинул, 25 рублей – хорошие деньги. Гульнем после работы, сегодня же пятница.

Младший инспектор вытаращил, и у него сразу же прошла одышка.

– Не буду я на эти деньги пить! Пей с кем-нибудь другим, если хочешь.

– Молодец, Леха, правильно поступаешь. Я тоже на эти деньги не стану пьянствовать, потому что у меня их нет. Это был парень из службы наружного наблюдения. Подходил проконтролировать, всех ли мы жуликов прихватили. Вот и попался нам на глаза. Ну а вечером по такому случаю все равно найдем, на что выпить. Согласен?

– Согласен.

Но на этой ноте история все же не закончилась. Вечером мне позвонил домой друг, с которым мы тогда вместе заочно учились в юридическом институте. Он работал старшим инспектором в указанной выше службе наружного наблюдения и был свидетелем нашего марафонского забега. Смеясь и приукрашивая, он эмоционально пересказывал виденное. Он сообщил также, что следили они с коллегами за кроссом из машины и делали ставки на нас.

– Я знаю, что ты – лось и догонишь нашего парня, – хохмил он, – поэтому поставил на тебя. И, представляешь, выиграл две бутылки водки!

– Ну ничего себе, лютики-цветочки! – возмутился я. – На меня ставят, как на скаковую лошадь, а мне ничего не перепадает. У меня не то что по усам (которые, кстати, я никогда не носил) ни капли не потекло, но и запаха даже не почувствовал.

– Не отчаивайся, – успокоил он меня, – скоро сессия, там и проставлюсь.

Вот вроде и все, о чем я хотел рассказать. Ну а если кого-то интересует, как разрешился важнейший для меня вопрос с «проставой на сессии», то тут можно сказать словами известного телеведущего Леонида Каневского, когда он заканчивает свою программу «Следствие вели»: «Это уже совсем другая история».